

БЕСПОДОБНАЯ АЛЛА БАЯНОВА

Случай, о котором я расскажу, был для меня подарком судьбы. Лет семь или восемь тому назад зимним вечером жена принесла мне в подарок пластинку с фотографией на конверте красивой женщины с гитарой. Имя незнакомой певицы было напечатано крупными латинскими буквами — АЛЛА БАЯНОВА.

У французов есть хорошая поговорка: «Чтобы оценить вкус вина, не обязательно выпить целую бочку, достаточно одной капли...» Поставив диск на проигрыватель, мы сразу были очарованы удивительной музыкальностью певицы, проникновенностью ее голоса. В исполнении Баяновой давно известные, казалось бы, банальные слова романсов наполнялись глубоким содержанием, в ее пении звучали все оттенки чувств, от нежной печали, которой она, кажется, делится только с одним тобой, до бурной радости, которую щедро дарит всему человечеству.

Недели три я не снимал пластинку Баяновой с проигрывателя, превратившись в восторженного почитателя ее таланта. Через год в продаже появилась вторая румынская пластинка Баяновой. Если на первом диске были записи широко известных у нас романсов, то на втором — давно не исполнявшиеся на нашей эстраде, но очень красивые: «В темном зале», «Караван», «Твои глаза зеленые», «Белой акации гроздь душистые» и, на мой взгляд, шедевр исполнительского искусства Баяновой, незатейливая дореволюционная мешчанская песенка «Сухой бы я ророчкой питалась, холодную водицу бы пила».

Сто с лишним лет тому назад Павел Михайлович Третьяков, основатель Третьяковской галереи в Москве, горячо любивший и поддерживавший русских художников, наказывал им: «Ты хоть лужу нарисуй, но чтоб художественно было!». И рисовали. Вспомните картину Саврасова в Третьяковке «Проселок». Проселочная степная дорога, золотистое предзакатное небо, несколько деревьев на обочине, огромная лужа, в которой это небо отражается. И все. Зато сколько поэзии и грусти русской природы передал художник в своей картине. Рассказывая горемычную историю отвергнутой любви бедной девушки, готовой на любую жертву, создавая правдивый образ, исполнительница должна обладать незаурядными сценическими данными.

Словом, она меня окончательно покорила. Я стал ждать появления ее следующих пластинок, рассказывать всем о своем открытии, приглашать на прослушивания ее записей. Конечно, мне задавали одни и те же вопросы: кто она и откуда? Но что я мог ответить, если сам почти ничего не знал. К счастью, совпало, что наша хорошая знакомая тоже оказалась ценительницей искусства Баяновой. И более того — она вела с ней переписку. По ее словам, Алла Баянова давно мечтала приехать в Россию и познакомиться советских людей со своим творчеством.

В конце 1984 года, когда еще только повеяло весной перестройки, ей наконец повезло. Друзья из Общества румыно-советской дружбы включили ее в одну из делегаций.

В жизни она выглядела еще интересней, чем на фотографиях. За чашкой горячего московского чая мы слушали рассказ о ее трудной судьбе, творческих замыслах уже не молодой, но необыкновенно обаятельной женщины Аллы Николаевны Баяновой. Знакомство с ней, человеком широко образованным, остроумным, повидавшим мир, и в отличие от нас сохранившим не замутненный штампами русский язык, доставило истинное наслаждение. Наверное, поэтому наша первая встреча затянулась до поздней ночи. На прощание я положил незаметно ей в сумочку давно написанное стихотворение, впрочем, ни на что не надеясь: я нигде не печатался.

Через год Баянова снова на короткое время в

Москве. Концерт в Доме дружбы на Калининском проспекте. Исполнив с успехом несколько популярных старинных романсов, певица сказала:

— В прошлом году, приехав из Москвы, я нашла у себя стихи. Откуда они у меня, не помню, но мне очень понравились, и я сочинила музыку на эти слова. Послушайте романс, который, как и стихотворение, называется «Гитара, моя гитара»...

Артистке горячо аплодировали. Пришлось мне признаться. С «Гитары», которую Баянова поет почти на каждом концерте, началась наша большая творческая дружба.

Между тем к самой артистке судьба была менее благосклонна. Около десяти лет боролась Алла Николаевна за право вернуться на родину. И в конце концов добилась...

Еще два романса на мои стихи Алла Николаевна положила на музыку, записала на пластинки и включает в свой репертуар: «Почему поют цыгане?» и лирический «Зимний вечер». Кажется, ее работоспособности нет предела.

В концерте она исполняет 25—26 номеров, и, думается, только позднее время сдерживает ее желание петь для нас хоть до утра.

Однажды я спросил Аллу Баянову: «Скажите, почему большинство эстрадных певцов и певиц исполняют не больше 15—17 песен, а вы 25?»

Ответ был такой: «Потому, что они устают кричать, а я ведь пою»...

В декабре прошлого года исполнилось 7 лет с того вечера, когда Алла Николаевна впервые приехала в Москву. В знак благодарности за сотрудничество и восхищения одной из лучших исполнительниц эстрадной песни, талантливым композитором и очаровательной женщиной я написал о ней песню. Алла Николаевна украсила мои стихи своей музыкой. Презентация романса «Я душу песне отдала» состоялась в Московском театре эстрады.

На том концерте, говорят, публика в зале устроила певице овацию и аплодировала стоя.

В. НОВОШКОЛЬЦЕВ,
архитектор.

ПОКА ЖИВА И СЕРДЦЕ БЬЕТСЯ, Я БУДУ ПЕТЬ ДЛЯ ВАС ВСЕГДА!

Посвящается А. Баяновой

Судьбу свою не выбирают...

Зал опустел, темно и поздно:

Мой долгий путь я вспоминаю

По всей земле к родным березам.

Все было. В буре грозных дней

Куда нас только не бросало...

• Что значит жить среди чужих людей,

Не дай вам бог, — я это испытала.

Припев:

Я душу песне отдала,

В ней все, что людям остается.

Пока жива и сердце бьется,

Я буду петь для вас всегда.

Блеснуло солнце. У меня приют

В моей стране, в кругу друзей.

Здесь, знаю, мои песни не умрут,

Ведь рядом с песней чуточку теплей.

Судьба артистки в жизни не легка,

Но есть и у нее счастливые моменты

Когда, как стаи белых голубей

Из зала к ней летят аплодисменты.

Припев:

Я душу песне отдала,

В ней все, что людям остается,

Пока жива и сердце бьется,

Я буду петь для вас всегда.

Вол. Москва. - 1992. - 8 стр.

